

ОЛЬГА ГУСЕЙНОВА

ШКОЛА
ДЕЛАВЕЛЯ
ЧУЖАЯ СУДЬБА

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г96

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на обложке *Е. Метлиновой*

Гусейнова, Ольга Вадимовна.

Г96 Школа Деладеля. Чужая судьба / Ольга Гусейнова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 448 с. — (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-99008-5

Я — феида, я рождена воином, а значит, в моей судьбе нет места любви и тихому счастью, лишь бесконечный бой с силами тьмы.

Но что делать, если сердце хочет тепла и руки просят не тяжести клинка, а нежных объятий?

Поменять судьбу. Поменять мир. Но остаться самой собой. А в награду — встретить мечту. Причем там, где меньше всего ожидала? — в Военной школе Деладеля.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99008-5

© Гусейнова О.В., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Слова признательности

Моя огромная благодарность читателям. Тем, кто во время написания романа своими теплыми, душевными комментариями дарил мне уверенность в себе, жизненный позитив, радость и силы, чтобы творить очередную сказку. Я благодарна им всем за помощь, критику и поддержку.

Хочу сказать спасибо редакторам и всему коллективу издательства «Эксмо». С вами, родные, очень тепло и приятно работать.

Ну и, как всегда, моя особая благодарность Борисковой Вере. Моей главной помощнице, лучшей подруге и спутнику по дорогам моих сказок, верному соратнику во всех литературных авантюрах.

Моя признательность всем, кто купит или просто прочтет мою новую сказку, — вы читаете и это для меня невероятная радость.

ЧАСТЬ 1

— Звено, рассчитайсь!

— Первый!

— Второй!

— Третий!

...

— Восьмой!

— Девятый!

— Девять с половиной! — привычно крикнула я, вытягиваясь в струнку.

Командир отряда Регана Шмель, широко расставив ноги, неожиданно гаркнула:

— Распустились! Неудачницы! Вас взгрели, как последних мужиков! А ведь это всего-навсего учения! А что было бы в реальном бою?

Я чуть подалась вперед, чтобы лучше видеть. Наше звено каменными статуями замерло на плацу и преданными глазами поедало командира отряда.

Все как на подбор рослые, мощные, сильные — настоящие женщины. Каждая поскрипывала новой формой. На тонкую рубашку с широкими бретелями, длиной до середины бедра мы надеваем короткие, выше колен, кожаные платья специального фасона. Плотный прилегающий к телу корсет со шнуровкой и юбка из широких кожаных полос для удобства передвижения. На ногах — крепкие сандалии, закрепленные шнурками и

ремешками до колена, которыми и оружие можно закрепить, и рану перевязать, если что. На сгибе правой руки у каждой из нас поблескивал начищенный до блеска шлем. И сейчас ветер свободно трепал наши короткие, до плеч, волосы.

На мне тоже красовалась новенькая форма, бедро привычно ощущало тяжесть меча, да только выглядела я не так солидно, как мои сослуживицы. Нет у меня ни широкого разворота плеч, ни большой груди, чтобы вот так браво ее выпятить или, на худой конец, придавить врага в бою. Ростом я вообще не удалась: по плечо самому низкому воину. И талия у меня узкая, осиная, и бедра слишком округлые, а попа позорно выпирает. Ну за что меня так боги наказали? А?

Регана продолжила поносить нас последними словами, и я почти каждое из них относила к себе.

Деять полноценных воинов-женщин стояли не шелохнувшись, вытянувшись в струнку. Я на полноценную совсем не тянула, недаром же меня лишь за половинку считали, но тоже стояла и ничего хорошего не ожидала. И как в воду глядела.

— Половина, тебя вообще хоть чему-то научили в учебке? — грозно спросила меня Регана, подойдя вплотную.

— Так точно, комот Регана! — И самой противно стало услышать, как жалко и звонко прозвучал мой голосок.

Шмель заложила руки за спину и вперила в меня мрачный взгляд холодных голубых глаз.

— Тогда какого эльфа драного ты задницу отключила во время стрельбы? Она тебе надоела? Или ты решила ее украсить стрелой? Раз ничем другим не выходит?!

— Я... э-э-э... нечаянно... — отчаянно прошептала я. На меня надвинулась мощная грудь Реганы Шмель,

заставляя все выше задира́ть подбородок, чтобы не уткнуться в нее носом.

— Нечаянно, — зло передразнила Шмель. — Сделали тебя нечаянно, половина!

Рядом послышались недобрые язвительные смешки, а я окаменела. Подобные шуточки мне доводилось слышать часто и каждый раз делать вид, что меня это не задевает.

Регана, шагнув назад, отвернулась от меня и грозно прошла вдоль ряда.

— В общем так, мальчики, — язвительно процедила она, — подобное разгильдяйство я вам прощаю в последний раз. Завтра устрою марш-бросок по Темным землям! Научу вас быть женщинами! Слабачки мне в отряде не нужны!

С каждым словом мы вытягивались все больше и от злости готовы были хоть сейчас в бой.

— Все, свободны! — рявкнула командир.

Строй молниеносно распался. Кто-то сбился в группы — поболтать, кто-то стремительно взмыл в небо, спеша по делам, а я раскрыла крылья и в совершенно подавленном настроении полетела домой.

Подо мной раскинулось Разнотравье — наш небольшой приграничный городок. Тысячи глиняных домов, словно грибница, во все стороны разбегались от Большого озера до самого Заповедного леса. Мимо проносились озорные драчливые девчонки, пугливые и скромные мальчишки; пролетел отряд суровых пограничниц, заставив меня с невольной завистью посмотреть им вслед.

Э-эх! Я так мечтала в свое время, что вот закончу учебку и совершу какой-нибудь подвиг. Меня заметят наконец, возьмут в один из таких элитных отрядов. И буду я защищать границы феид от всякой нечисти

да лживых трусливых эльфов. Непременно снова совершу подвиг, к примеру, рискуя жизнью, спасу нашу королеву. Меня наградят... нет, конечно не посмертно. Этого я себе мечтать не стала, я же не совсем глупая. Лучше меня наградят приглашением на один из балов в честь очередного месяца, и там... Там на меня обратит внимание какой-нибудь мужчинка и согласится на мои матримониальные притязания! А то сестра и мать без конца твердят, что если сейчас не заведу семью — потом совсем никому не нужна буду.

А в итоге что? Мне сорок лет. Учебка окончена с горем пополам, да и то мамина протекция помогла. Точнее, ее волшебный пендель, которым она мне на выпускных экзаменах помогла преодолеть последнее препятствие, а не умереть у финишной черты от стыда и слабости. Летела я тогда знатно, с бо-ольши-им ускорением, а ведь до этого еле ползла.

Мама — бригадный генерал и допустить, чтоб я позорно покинула Военную академию с несданными выпускными нормативами просто не могла себе позволить.

Проводив взглядом храбрых пограничниц, я тяжело вздохнула, развернулась в сторону дома и полетела дальше. Лучше не задерживаться, сегодня я обещала вместе с папой готовить большой яблочный пирог. И если нарушить обещание, отец может обидеться и, чего доброго, устроит истерику.

От грустных мыслей меня отвлекла парочка молодых парней лет пятидесяти, которые, бурно жестикулируя и хихикая, летели мимо. Высокие блондины в модных жилетах, узких брючках и с сумочками, украшенными цветами, они лениво помахивали яркими золотистыми крыльями и выглядели весьма привлекательно. И хотя лично меня парни не «зацепили», я все равно мило

улыбнулась и игриво подмигнула. А вдруг... На что белокурые красавчики презрительно фыркнули, передернули узкими плечиками, не забыв громко перекинуться мнением про «всяких там хлюпиков, которые пристают к порядочным мужчинам, непонятно на что рассчитывая...» Даже не притормозили. Настроение упало ниже самой застарелой грибницы. Вот так всегда!

— А мне блондины вообще не нравятся! На моль похожи! Понятно?! — не удержавшись, крикнула вслед этим высокомерным фифам.

Куда там! Даже не обернулись. Что-то прощebetали друг другу и рассмеялись. Вот точно обо мне гадость какую-то сказали.

Ну неужели не найдется ни одного порядочного феида, чтобы полюбил меня за внутренний мир? Ну разве я виновата, что уродилась в папу? Худая, щуплая, грудь размером всего с большое яблоко, а не с арбуз, талию имею, да еще и попа неприлично выпирает. И — о, ужас! — со смазливym лицом. Все десять лет в учебке меня этим сокурсницы попрекали. Нет, не будет мне в жизни счастья!

— Пап, я дома! — крикнула, входя в дом и складывая шлем и меч на лавку в прихожей.

— Ну что за манера, вечно орете как оглашенные. Что мать, что вы с Сеттой... — ворчал отец, выходя из кухни и вытирая передником руки.

Я повела носом, вдыхая вкусный запах корицы и выпечки.

— Папулечка, ты уже все приготовил? — спросила, заискивающе и виновато глядя на него.

— Дак тебя разве вовремя дождешься? Все в своих мечтах витаешь или в отряде пропадаешь... — улыбаясь, посетовал отец.

Я с любовью посмотрела на него. Только он мне все прощает, жалеет и понимает — еще бы, ведь я его точная копия. Такие же золотые волосы, только у меня короткие, чтобы шлем удобно было носить и голова не потела. Такое же овальной формы лицо с прямым носом, светлой кожей и едва заметными веснушками; округлым подбородком, выдающим мою природную мягкость, безвольность характера, как говорит мама; чуть великоватым ртом с чувственными пухлыми губами; яркими желто-зелеными глазами. Ну совершенно не по-женски я смазливая, считают все мои знакомые. А мужчины... Те считают, что нехорошо женщине соперничать красотой с мужчиной. Ненормально это. Понятное дело, когда мужик красивый, но женщина-то должна быть сильной, ловкой, чтоб семью защищать, пропитание добывать. А тут я — половина какая-то.

— Ну иди, доча, иди, руки мой и за стол. Сейчас соберу все вкусенькое.

Снисходительно похлопала отца по спине: только он меня и любит, заботится. И пошла умываться, а то пыль с плаца еще скрипит на зубах.

Приведя себя в порядок, села обедать.

— Лютик, послушай, я тут узнал... — судя по тону голоса, папа решил поделиться своими тревогами.

— Папа, тысячу раз говорила! Лютерция, а не Лютик! — раздраженно оборвала его я.

— Это для матери своей ты Лютерция, а для меня — Лютик, — отец положил ладонь на мою руку и ласково сжал. — Пока она с нечистой воевала да из своих воинов настоящих женщин делала, я тебя, крохотульку, летать да ходить учил. Как держать ложку показывал, да попу подтирал.

Я расплылась в виноватой улыбке. Все же отец у меня феид очень мягкий, душевный, и слабый физически. Мама все время говорит, что сначала клюнула на отца из-за его слабости. Ей невольно захотелось его защитить от всех. А уж потом, когда распробовала его запеканочки да яблочные пироги... Дорожку от желудка к сердцу воина провинциальный парнишка легко протоптал. Теперь папа единственный, кто может воздействовать на мать своей мягкой нежной любовью. Для остальных она — бригадный генерал. Даже для нас со старшей сестрой. Хотя Сетта вся в мать, такая же мощная, высокая и непробиваемая. И до генерала ей лет двадцать — максимум! — служить осталось, если не меньше. Именем моей сестренки уже и так южные эльфы детей пугают. А сейчас она из полугодичного отпуска по беременности и родам — засидевшаяся, домашним бытом, мужем да малыши детьми до белого каления замученная — выйдет на службу, и, я уверена, полетят клочки по закоулочкам в Темных землях. И эльфы проклянут тот день, когда родились на свет, а Сетта Пчелка вспомнила об их существовании.

— Так вот, я сегодня был в гостях у Жучары, ну ты знаешь, это сват Миролиста...

— Папа, давай ближе к делу, что за привычка в обход Заповедного леса к главному подходить?! — буркнула я.

— Да что ж ты меня с мысли-то все время сбиваешь?! — раздраженно воскликнул отец.

— Ну ладно, ладно, ну прости, папуль, — скорчила я виноватую рожицу. С папой это всегда срабатывает.

Бросив на меня укоризненный взгляд желто-зеленых глаз, папа махнул рукой и продолжил, чуть подавшись ко мне через стол:

— Так вот, к Жучаре из Грибного прилетал двоюродный брат Мякун погостить. А ты знаешь, кто он?

Я качнула головой, но неожиданно ощутила странный укол в сердце — предупреждение.

Отец почему-то шепотом продолжил:

— Мякуна мало кто любит в Грибном. Большею частью боятся. Он — видящий!

Я невольно кивнула и, понизив голос, согласилась:

— Понятное дело. Кому ж понравится, что твоя судьба для кого-то как на ладони.

Отец виновато потупил глаза, сел на стуле ровнее, словно решая — стоит ли продолжать разговор, а я, не выдержав, поторопила:

— Ну? Что ты там натворил? Признавайся! — И не знаю почему, но стало страшно. Хотя по моему виду этого, наверное, не скажешь.

Папа помялся, посмотрел на меня глазами голодного пса и заговорил, оправдываясь:

— Я ж понимаю, каково тебе... такой. Ты ведь моя кровиночка... А давеча так рыдала о своей горькой судьбинушке...

— Рыдала? Когда это? — вскинулась я, уже догадываясь об ответе.

— Когда нектара в трактире на Лесной перебрала! — укоризненно ответил отец.

— Ну перебрала, чего по пьяни не ляпнешь, — ступевалась я.

Вообще-то, я не пью, но неделю назад случился очередной неприятный момент в моей жизни. В кои веки один видный красивый мужчинка дал понять, что я ему нравлюсь. Решилась я пригласить его на свидание. И каково же было мое удивление, когда получила великодушное согласие! Пусть сам мужчинка не в моем вкусе был, но на безрыбье и рак рыба. А так, думала, попробую, хоть раз на свиданку слетаю. Сле-

тала! Весь вечер прождала на берегу озера, мысленно разыгрывая нашу встречу и планируя остроумный разговор, а потом, наутро, надо мной весь отряд хохотал. Оказалось — это розыгрыш был. Вот с горя и напилась вечером. Мало того что с трудом до дома долетела, еще и от матери получила за неподобающее поведение, позорящее славную гордую фамилию Пчелка. Впрочем, мама уже давно на мне крест поставила и словно забыла о моем существовании. Для нее солдаты ее бригады гораздо ближе и роднее, чем собственная дочь.

Пока я предавалась печальным воспоминаниям, отец продолжал:

— Все я понимаю, доча! Думаешь, не вижу твоих страданий. Да все мужики — дураки, раз не могут разглядеть в моей девочке сильный дух и добрую душу. И готовишь ты не хуже меня...

— Пап, ты сейчас идеального мужчину описываешь или меня обидеть хочешь? У нас в отряде ни одна готовить не умеет, только я. А все ты виноват! Меня теперь кулинаркой дразнят, а я даже в морду дать не могу, тут же наряд от Шмель получу. И выговор. Мать совсем озверевает... — расстроилась я.

Отец пересел ко мне поближе, ласково отвел с моего лица пряди волос, как в детстве убрав их за уши, заглянул в глаза и печально произнес:

— Ты плачешь в подушку, но я-то все слышу. Это Клевер спит как убитая, намотавшись за день.

Я отстранилась от него и буркнула, чувствуя, что скоро снова позорно расплачусь, словно мальчишка.

— Ну и спал бы, как и мать. А у меня все пройдет...

— Упрямая ты! В чем, в чем, а в этом вся в породу Пчелок пошла! — раздраженно оборвал отец.

— Слава богам, хоть в этом я на мать похожа! А так — вся в тебя. Вся в тебя, — скорее жалуясь, чем обвиняя, заявила я.

Отец погладил меня по золотистым волосам, глядя с нежностью и одновременно печалью.

— Клевер тоже виновата в твоём несчастье, чего, поверь, она уже давно не может себе простить. Если бы в свое время она войнушке с эльфами предпочла правильное воспитание младшей дочери, ты бы не выросла такой хлипкой и слабенькой. Уж она-то сделала бы из тебя настоящую женщину. Но она упустила момент, а я... Я воспитал тебя как сумел и научил тому, что умею сам.

— Если бы я знала, когда училась пирожки готовить да крестиком вышивать, что так будет, то лучше б тогда мышцы наращивала, да силу в руках копила и стала бы счастливой. Меня любил бы хоть кто-нибудь. А так... Никому не нужна... — всхлипнула я.

И противна сама себе стала, сил нет. Ладно — из знакомых никто не видит, как я позорно слезы лью. Хороша же я баба, как мужик слезливый.

— Да что ж ты так, дочь, мы тебя любим... — всплеснул руками отец.

— Да-а? — с иронией переспросила я и с болью в сердце добавила: — Говори только за себя! Сетта меня лишь терпит. Ее муж — презирает. Да они про меня вспоминают, когда им обоим по делам нужно, а ты занят и с детьми посидеть некому. Мама меня стесняется. Не дай боги, кто-то ее рядом увидит, так она сразу морду кирпичом — и меня словно не знает. Какая жалость, у бригадного генерала Клевер Пчелки такое недоразумение уродилось! Да еще с цветными крыльями...

Я резко, шумно и сердито раскрыла сложенные за спиной крылья, демонстрируя их отцу. Еще одно мое

отличие от остальных. Аномалия. У всех феид крылья золотистого цвета, а у меня — края и верхушки зеленые, и от них тоненькие прожилки к самым лопаткам змеятся по золотому фону. В летописях говорится, раньше у феид крылья цветные были, но это еще когда наша раса в другом мире обитала, а теперь... Теперь это признак былой слабости. Неполноценности. И моей печали.

Папа сложил руки на коленях и, глядя на меня, понимающе качал головой. Сочувствовал.

А я выдохлась. Послав мысленно импульс, втянула крылья, ощущая, как они растеклись по спине привычным, родным теплом. Вытерла злые слезы, поставила локоть на стол, подперла подбородок и окинула стол голодным взглядом. За разговором и поесть не успела. Взяла пирожок с капустой и подвинула стакан клюквенного морса. Хоть хорошей папиной еде порадоваться в этой жизни.

Отец решительно встrepенулcя, наклонился и тихо спросил:

— Помнишь, когда-то в детстве мы делали глиняные слепки твоих ладошек?

Я уныло кивнула, не забывая жевать. А родитель продолжил так, словно в холодную воду нырнул:

— Я их Мякуну показал и попросил посмотреть...

Поперхнувшись, я прокашлялась и вытаращилась на отца. Но промолчала, с неожиданным трепетом ожидая продолжения. Папа поджал губы, пожал плечиками и выдал:

— Знаешь, он сказал нечто странное.

— Что именно? — нетерпеливо спросила я.

— Сначала сказал, что твоя судьба — это война! Нету твоей любви в этом мире. — Мое сердце оборвалось, но отец неожиданно продолжил: — А потом, когда Жучара